

*Н. В. Эйльбарт**

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ЯЗЫЧЕСКИМИ КУЛЬТАМИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XV–XVI ВВ.

В статье рассматриваются обличительные тексты «Просветителя» Иосифа Волоцкого по отношению к новгородской и псковской ересям стригольников и жидовствующих. Делается вывод о том, что данные ереси возникли под влиянием архаичных пережитков язычества на северо-западе Русского государства. Упоминания о поклонении священным камням (Синий камень, жертвенные камни Тиверского городища, Конь-камень на острове Коневец на Ладожском озере) во времена Иосифа Волоцкого и спустя столетия после его смерти говорят о том, что значительная часть славянского и финно-угорского населения придерживалась двоеверия. В качестве источников привлечены также «Слово некоего христоробца и ревнителя по правой вере», «Жития» Арсения Коневского и Иринарха Затворника (Иринарха Ростовского). В результате данного исследования мы установили, что текст «Просветителя» Иосифа Волоцкого показывает, что он связывал обряды еретиков с языческими жертвоприношениями и верой в судьбу. Например, осуждая ересь жидовствующих, он упоминал о славянских рожаницах, то есть существах, отвечающих за судьбу человека. Делается вывод о том, что угроза неоязычества была в то время на Руси не менее опасна для православия, чем угроза унии с католической церковью после Ферраро-Флорентийского собора. Таким образом, духовные тексты Иосифа Волоцкого, направленные против ереси жидовствующих и ереси стригольников, можно рассматривать как словесное орудие против пережитков язычества и двоеверия. Если ранее исследователи делали упор на искажение христианского православного вероучения новгородскими и псковскими еретиками, то мы рассмотрели данные ереси в ключе неоязычества.

* Эйльбарт Наталия Владимировна — д-р историч. наук, ejlbart@mail.ru, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Natalia V. Eilbart — Doctor of Historical Sciences, ejlbart@mail.ru, Professor, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, иосифляне, язычество, ересь жидовствующих, ересь стригольников, Новгород, Псков, Арсений Коневский, Тиверское городище, жертвоприношение.

N. V. Eilbart

*THE ACCUSATORY WORD OF JOSEPH VOLOTSKY AS A TOOL FOR COMBATING PAGAN CULTS IN THE RUSSIAN STATE IN THE XV–XVI CENTURIES**

In the article we consider the damning texts of the “Enlightener” Joseph Volotsky in relation to the Novgorod and Pskov heresies of the strigolniks and Judaizers. It is concluded that these heresies arose under the influence of archaic remnants of paganism in the north-west of the Russian state. References to the worship of sacred stones (the Blue Stone, the sacrificial stones of the Tiversky settlement, the Horse Stone on Konevets Island on Lake Ladoga) during the time of Joseph Volotsky and centuries after his death indicate that a significant part of the Slavic and Finno-Ugric populations adhered to the dual faith. The sources also include “The Word of a certain lover of Christ and zealot for the right faith”, “The Lives” of Arseny Konevsky and Irinarch the Recluse (Irinarch of Rostov). Both general scientific methods are used: analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, comparison, and special methods: historical-genetic, historical-chronological. As a result of this research, we have established that the text of the “Enlightener” by Joseph Volotsky shows that he linked the rites of heretics with pagan sacrifices and faith in fate. For example, condemning the heresy of the Judaizers, he mentioned the Slavic *rozhanitsy*, that is, creatures responsible for the fate of man. It is concluded that the threat of neo-Paganism in Russia at that time was no less dangerous for Orthodoxy than the threat of union with the Catholic Church after the Ferraro-Florence Council. Thus, the spiritual texts of Joseph Volotsky, directed against the heresy of the Judaizers and the heresy of the shearers, can be considered as a verbal weapon against the remnants of paganism and double-faith. If earlier researchers focused on the distortion of the Christian Orthodox faith by Novgorod and Pskov heretics, then we examined these heresies in the key of neo-paganism.

Keywords: Joseph Volotsky, The Josephites, paganism, The heresy of the Judaizers, The heresy of the Strigolnikov, Novgorod, Pskov, Arseniy Konevsky, Tiverskoye settlement, The sacrifice.

При изложении истории движения иосифлян и анализе идей самого предподобного Иосифа Волоцкого (Санина) в исторической науке и богословии традиционно принято делать акцент на его непримиримой борьбе с ересями, грозящими, как известно, не только расколом церкви, но и как таковому единству государства. Жесткая, в отличие от последователей Нила Сорского, позиция Волоцкого по отношению к еретикам, требующая отнюдь не перевоспитания, а физического уничтожения самих еретиков и лиц, им сочувствующих, объясняется прежде всего теми вызовами, которые унаследовала Русская православная церковь от Византии вместе с идеями вселенскости и той угрозой православию со стороны католического мира, которая усилилась с политическим ослаблением, а затем и падением Константинополя [12]. Пре-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00308, <https://rscf.ru/project/25-28-00308/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 25-28-00308, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00308/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

бывая в тревоге за судьбы православия, имея в памяти совсем свежий пример Флорентийской унии 1439 г. и участвовавшего в ее принятии предстоятеля Русской православной церкви киевского митрополита Исидора, Волоцкий и его последователи воспринимали «Исидоров собор» и доводы униатов не менее остро и враждебно, чем это представлено в рукописи его участника, монаха Симеона Суздальского [8; 9]. Симеон Суздальский, с рукописью которого «Исидоров собор» преподобный Иосиф скорее всего был знаком, столь презрительно относился к католичеству, что даже не удостаивал католические храмы названием «церковь», предпочитая называть их «божницами», как, впрочем, и другие русские монахи, оставившие воспоминания о «хождении на Флорентийский собор» [7]. Однако в данном случае внешний враг в лице сторонников унии, которые вели, по мнению преподобного Иосифа, к «подчинению латинской вере» и против которых он считал самые жесткие методы борьбы оправданными, вполне уравнивался врагом внутренним, причем врага видели не только в ересях, среди которых наиболее опасными считались воззрения жидовствующих и стригольников, но и в языческих пережитках, которые, судя по дошедшим до нас рукописям критического характера, изобличающим идолопоклонство, очень глубоко пустили свои корни не только в русскую культуру, но и в культуру славянских народов вообще.

Рассмотрим здесь несколько примеров, свидетельствующих о действительно серьезной угрозе, даже в период позднего Средневековья и раннего Нового времени исходившей от славянского язычества по отношению к русскому православию. Относящийся, по мнению большинства исследователей, к домонгольскому периоду известный памятник русской православной церковной литературы «Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере», в котором осуждались грехи, бытующие в среде не только мирян, но и православного духовенства («попове и книжницы»), содержит, однако, и более поздние добавления, касающиеся язычества, которые датируют уже XIV в. [13, pp. 147–160]. В частности, этот источник говорит о прямом идолопоклонстве:

«И веруют в Перуна, и в Хорса, и Мокошь, и в Сима, и в Ерьгла, и в вилы, их же числом тридевять сестрениц... И тако покладывают им требы, и куры им режут. И огневи ся молют, зовуше его сварожичем... И погебоша за свое неистовство, того не подобает крестьяном игр бесовских играти иже есть плясание, гудба, песни бесовския и жертва идольская. Иже молят под овином огневи, и вилам, и Мокоши, и Симу, и Реглу, и Перуну, и Волосу скотью богу и роду и рожаницам и всем тем, иже суть им подобни» [4, с. 41, 43].

Упоминание о боге Роде как о прародителе всего сущего и о рожаницах, от которых зависела жизнь и смерть человека, довольно долго сохраняется в обличительных христианских текстах. Н. М. Гальковский приводит созданную в Черниговской духовной семинарии рукопись XVIII в., в которой, между прочим, сказано следующее:

«Волсви и еретицы и богомерскии бабы кудесницы и иная множайшая волшебствуют, ... и бабы каши варят на собрание рожаницам, и чреваты жены медведю хлеб дают из руки да рыкнет девица будет, а молчит отрок будет» [4, с. 93].

Таким образом, обращение к рожаницам как к языческим существам, властным над судьбой человека, осуждалось православной церковью, а то, что происходило это много веков, говорит о чрезвычайной живучести данного культа у русского народа. Не обошла данная проблема и преподобного Иосифа Волоцкого. В своем произведении «Просветитель» в ответ на идейный вызов со стороны новгородской ереси жидовствующих он отмечал: «и баснословие некаа и звездозакония оучахоу и по звездам смотри и строити рожение и житие человеческое, а писание божественное презирати, яко ничто-же суще» [10, с. 554]. В данном случае «строити рожение» нужно понимать как предсказание судьбы.

Вызов православному христианству от язычества шел не только от собственно славянских культов, но также и со стороны финно-угорских языческих представлений, которые со времени вхождения земель этих племен под власть Великого Новгорода и Великого княжества Владимирского и Московского существенно влияли на русское население. В качестве примера можно привести культ поклонения камням, с которым православным миссионерам пришлось долго и упорно бороться, однако же изжить таковой у самих этих народов не только до конца не удалось, но к нему оказалось восприимчиво и славянское население. Среди наиболее известных священных камней можно назвать Синий камень, священные камни Тиверского городища и Конь-камень на острове Коневец на Ладожском озере.

О Синем камне на Плещеевом озере близ Переславля-Залесского упоминается в памятнике XVII в. «Житие святого Иринарха Борисоглебского» [3, с. 51], причем этот преподобный Русской православной церкви (прозванный Иринархом Затворником) жил только на полвека позже Иосифа Волоцкого. «Житие» рассказывает, что, заехав однажды в Никитский монастырь на Плещеевом озере, Иринарх узнал от монастырского дьяка Онуфрия о большом камне, которому люди от мала до велика поклонялись как божеству в день апостолов Петра и Павла. Онуфрий приказал «повергнуть камень в яму», дабы больше народ не молился ему, однако

«этот подвиг Онуфрия многим не был угоден; благочестивый диакон от многих, даже родных и из духовного чина, терпел порицания, брань и насмешки, — даже клевету и убытки при судебных преследованиях; сверх того, постигла его и болезнь, — но все это диакон Онуфрий переносил и терпел с твердостью, не роптал, уповая на милость Божию и помня час смертный, и не обращался за исцелением к врагам Божиим, разным знахарям» [6, с. 412].

Таким образом, мы видим, что часть духовенства в то время весьма осторожно относилась к борьбе с пережитками язычества из-за страха навлечь на себя месть или болезнь со стороны неведомых древних сил.

Не менее напряженной в XV–XVI вв. была борьба с язычеством на северо-западе Руси, куда устремились новгородские миссионеры для крещения в православие карел и родственных им финно-угорских народов. И сегодня можно видеть, например, вырезанный на огромном валуне в районе Тиверского городища в Приозерском районе Ленинградской области равносторонний крест, проставленный руками новгородских монахов в знак «изгнания бесов»

из этого жертвенного камня. Известно, что в 1534 г. по поручению новгородского епископа Макария в Карельский уезд прибыл иеромонах Илья с отрядом служилых людей, и именно он «разорял и истреблял скверные мольбища» карел, вероятно и поставив описанный выше крест на камне. Еще более впечатляющим, нежели освящение жертвенного камня Тиверского городища, выглядит «изгнание бесов» из Конь-камня на острове Коневец другим новгородским миссионером, преподобным Арсением Коневским (дата этого события примерно должна совпадать с основанием Коневецкого монастыря, то есть произошло это на рубеже XIV–XV вв.). Согласно сведениям из третьей главы «Жития Арсения Коневского», составленного уже в XVI в. коневским игуменом Варлаамом, преподобный Арсений узнал у местного рыбака об огромном камне, которому местные жители приносили в жертву коней «по бесовскому обряду», прося при этом, чтобы их скот не болел.

«Взяв икону Пречистой Богородицы», — далее повествует «Житие», — «принесенную от Святой горы, которой благословил его святогорский игумен Иоанн, вот эту икону взяв и святую воду, и фимиам, и пошли они к камню, и пели молебен Пресвятой Богородице, а сам он со слезами молился об очищении того места. И обойдя вокруг, покропил он святою водою и прогнал нечистых духов. Рассказали же рыбаки, что видели тогда стаю воронья, летящую к северу, рыдающую, словно ревущие волы» [5].

Как известно, своеобразным символом победы православия над язычеством на Коневце стало строительство часовни на вершине Конь-камня, из которого и состоялось изгнание нечистой силы, «навсегда покинувшей остров» в образе ворон.

Вышеприведенные примеры показывают, что в целом население русских земель во времена Иосифа Волоцкого было довольно уязвимо с точки зрения «соблазнов» язычества, в особенности земли Великого Новгорода, в XV в. входившие во все более тесный контакт с Московским государством. Именно из Новгорода и его «младшего брата» Пскова на московские земли приходит, по сути, во многом неоязыческая ересь стригольников (одна из версий происхождения названия данного течения заключается в ремесленной принадлежности ее приверженцев: суконщиков в те времена именовали «стригальями» [1, с. 25], другая версия говорит о некоем дьяконе Карпе Стригольнике, в обязанности которого входило пострижение новопоставляемых дьяконов, чье прозвище дало название ереси), против которой и направляет свое обличительное слово преподобный Иосиф. Опуская подробную характеристику христианских взглядов стригольников, отметим, что их мировоззрение рассматривается рядом исследователей как архаичное возвращение к языческой старине, как «попытка возрождения языческого мировоззрения в двоеверной среде», как учение, выросшее «из стихии народной религиозности, из синкретизма языческих верований и христианства» [2, с. 152, 153]. Мы в данном случае разделяем точку зрения А. И. Алексева, связывающего появление стригольничества и его конфликт с православием именно с «процессом углубленной христианизации Руси начиная со 2-й половины XIV века», которому сопротивлялись силы, находившиеся под влиянием пережитков языческих верований. Мы также

склонны объяснять появление данной ереси отнюдь не контактами Новгорода и Пскова с западными странами, где распространялись протестантские идеи, а сугубо внутренними причинами: наличием сильного языческого влияния на северо-западных русских землях, а также небольшим количеством православных монастырей на обширных территориях, что и обусловило низкий уровень христианского сознания местного населения. Наиболее ярким известным нам признаком стригольничества, роднившим его с язычеством, стало исповедование своих грехов матери-земле. Сама процедура исповеди под открытым небом косвенно свидетельствует о возможном поклонении приверженцев течения небу и солнцу. Обличению ереси стригольников Волоцкий посвящает отрывок из «Шестнадцатого слова против ереси новгородских еретиков» в «Просветителе», где называет ее основателя псковича Карпа Стригольника человеком, «исполненным гнусных и скверных дел» [11, с. 404].

Преподобный Иосиф Волоцкий значительное место в своих обличениях отводил доводам, согласно которым язычество и идолопоклонничество в виде жертвоприношений (а особенно свершаемое под открытым небом!) ведут не только к грехопадению и гибели души отдельно взятого человека, но и к гибели целых городов. Проблеме языческого жертвоприношения (а именно закланию животных) почти целиком посвящено «Третье слово» его произведения «Просветитель», направленное против «ереси новгородских еретиков» («ереси жидовствующих»), что позволяет нам предположить, что представители этой ереси практиковали ветхозаветные жертвоприношения, хотя в позднейшей исторической литературе упоминания об этом отсутствуют. Мы полагаем, что, используя методы сопоставления и аналогии можно утверждать: преподобный Иосиф Волоцкий словом боролся с теми проявлениями данной ереси, о которых знал наверняка.

«Так и Бог поступил», — говорит Волоцкий в «Просветителе», — «Он повелел совершать жертвоприношения только в Иерусалиме, а потом, после недолгого времени жертвоприношений, Он низверг Иерусалим» [11, с. 101].

Греховность жертвоприношений, описанных в Ветхом Завете, преподобный Иосиф доказывает следующим образом:

«Ибо пока израильтяне жили в Египте, они научились от египтян приносить жертвы идолам и бесам, веселиться, танцевать и услаждать себя музыкальными инструментами», однако «повеление о жертвоприношениях не закон и что воля Божия не во всесожжениях, но Бог снизошел к ним из-за человеческой слабости» [11, с. 99].

Итак, согласно «Просветителю», позволение от Бога израильтянам приносить в жертву животных по языческому обычаю было делом временным, продиктованным обстоятельствами плена, однако для ныне живущего православного христианина это является великим грехом.

Таким образом, можно заключить, что еретические движения на северо-западе русских земель активно подпитывались пережитками язычества как славянских, так и карело-финских народов. Именно видя большую живучесть языческих представлений в среде мирян и духовенства (о чем мы косвенно

можем судить по позднейшим упоминаниям, например, о поклонении камням), преподобный Иосиф Волоцкий воспринимал их как часть ереси жидовствующих и ереси стригольников, которые с великой силой убеждения обличал в своих духовных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. К изучению ереси стригольников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 22–34.
2. Алексеев А. И. Стригольники: Обзор источников // Вестник церковной истории. 2012. № 3/4 (27/28). С. 151–203.
3. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. Харьков, 1916. С. 50–51.
4. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. М., 1913. С. 41, 43, 93.
5. Житие Арсения Коневского. [Электронный ресурс] URL: Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10574&ysclid=m7sgsk33k9350999674> (дата обращения: 03.03.2025).
6. Житие преподобного отца нашего Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что на Устье // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского: 12 кн., 2 кн. доп. М.: Моск. Синод. тип., 1903–1916. Т. V: Январь, День 13. С. 412.
7. Казакова Н. А. Первоначальная версия «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1970. С. 60–77.
8. Кириллин В. М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о ферраро-флорентийском соборе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 86–94.
9. Ломидзе Е. М. К вопросу о восприятии Ферраро-флорентийского собора русской делегацией. Б. м., 1996. С. 140–150.
10. Полный церковно-славянский словарь. Сост. свящ. магистр Григорий Дьяченко. М.: Тип. Вильде, 1900. С. 554.
11. Просветитель / Прп. Иосиф Волоцкий; Предисл. митр. Иоанн (Снычев), отв. ред., авт. послесл. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 432 с.
12. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI в.). М., 1998. С. 77–89.
13. Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven. Helsinki, 1922, Bd 1. Quellen, p. 147–160.

REFERENCES

1. Alekseev, A. I. *K izucheniyu eresi strigol'nikov* [Towards the study of the heresy of the Strigolnikov]. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2004, no. 4 (18), pp. 22–34 (in Russian).
2. Alekseev, A. I. *Strigol'niki: Obzor istochnikov* [Strigolniki: An overview of sources]. In: *Vestnik cerkovnoj istorii*, 2012, № 3/4 (27/28), pp. 151–203 (in Russian).
3. Gal'kovskij, N. M. *Bor'ba hristianstva s ostatkami yazychestva v drevnej Rusi* [The struggle of Christianity against the remnants of paganism in ancient Russia]. Vol. I. Har'kov, 1916 (in Russian).

4. Gal'kovskij, N. M. *Bor'ba hristianstva s ostatkami yazychestva v drevnej Rusi* [The struggle of Christianity against the remnants of paganism in ancient Russia]. Vol. II. Moscow, 1913, pp. 41, 43, 93 (in Russian).
5. *Zhitie Arseniya Konevskogo* [The Life of Arseny Konevsky]. [Electronic resource] URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10574&ysclid=m7sgsk33k9350999674> (accessed: 03.03.2025) (in Russian).
6. *Zhitie prepodobnogo otca nashego Irinarha, zatvornika Rostovskogo Borisoglebskogo monastyrya, chto na Ust'e* [The Life of our Venerable Father Irinarch, a recluse of the Rostov Borisoglebsky Monastery in the Ust'e]. In: *Zhitiya svyatyh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej svt. Dimitriya Rostovskogo*: 12 kniga, 2 kniga dopolnenie. Moscow, Moskovskaya sinodal'naya tipografiya Publ., 1903–1916, vol. V: Yanvar', Den' 13 (in Russian).
7. Kazakova, N. A. *Pervonachal'naya versiya «Hozhdeniya na Florentijskij sobor»* [The original version of «Going to Florence Cathedral»]. In: TODRL, vol. XXV, Moscow- Leningrad, 1970, pp. 60–77 (in Russian).
8. Kirillin, V. M. “Chuzhoe” v drevnerusskih skazaniyah o ferraro-florentijskom sobore [“Alien” in the Ancient Russian legends about the Ferraro-Florence Cathedral]. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2000, no. 1, pp. 86–94 (in Russian).
9. Lomidze, E. M. *K voprosu o vospriyatii Ferraro-florentijskogo sobora russkoj delegaciej* [On the question of the perception of the Ferraro-Florence Cathedral by the Russian delegation]. 1996, pp. 140–150 (in Russian).
10. *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar'. Sost. svyashch. magistr Grigorij D'yachenko* [The complete Church Slavonic dictionary. Comp. holy. Master Grigory Dyachenko]. Moscow, Vil'de Publ., 1900, pp. 554 (in Russian).
11. Iosif Volockij. *Prosvetitel'* [The Educator]. Moscow: Institut russkoj civilizacii publ., 2011, 432 p. (in Russian).
12. Sinicyna, N. V. *Tretij Rim. Istoki i evolyuciya russkoj srednevekovej koncepcii (XV—XVI v.)* [The Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept (XV—XVI centuries)]. Moscow, 1998, pp. 77–89 (in Russian).
13. Mansikka, V. J. *Die Religion der Ostslaven* [The religion of the Eastern Slavs]. Helsinki, 1922, Bd 1. Quellen, pp. 147–160 (in German).